

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН
НА САЙТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
www.echr.coe.int
В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «КАЛЯПИН против РОССИИ» (KALYAPIN v. RUSSIA)

(Жалоба № 6095/09)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

23 июля 2019 года

*Данное постановление является окончательным, но может быть
подвергнуто редакционной правке.*

По делу «Каляпин против России»,

Европейский Суд по правам человека (Третья Секция), заседая Комитетом, в состав которого вошли:

Алина Полачкова, *Председатель*,

Дмитрий Дедов,

Гилберто Феличи, *судьи*,

и Фатош Араджи, *Заместитель Секретаря Секции*,

Проведя заседание за закрытыми дверями 2 июля 2019 года, вынес следующее постановление, утвержденное в вышеуказанный день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано на основании жалобы (№ 6095/09), поданной 24 декабря 2008 года против Российской Федерации в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - «Конвенция») гражданином Российской Федерации Игорем Александровичем Каляпиным (далее - «заявитель»).

2. Интересы заявителя в Европейском Суде представляла О. Садовская, адвокат, практикующий в Нижнем Новгороде. Интересы властей Российской Федерации (далее по тексту — «Власти») представлял Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека, а впоследствии — его преемник на этом посту М. Гальперин.

3. Заявитель утверждал, в частности, что его сопровождение в отделение полиции являлось незаконным и произвольным и что он не обладал юридически обеспеченным правом на компенсацию или не располагал эффективными средствами правовой защиты в данном отношении.

4. 16 мая 2012 года уведомление о жалобе было предоставлено Властям.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

A. Общие сведения и обстоятельства

5. Заявитель, 1967 года рождения, проживает в г. Нижнем Новгороде.

6. Заявитель является главой Комитета против пыток, неправительственной организации, расположенной в Нижнем Новгороде, которая оказывает помощь жертвам пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения путем проведения независимых расследований и отслеживает нарушения прав человека, связанные с жестоким обращением в России, особенно в ситуациях, когда существует высокий риск применения пыток к отдельным лицам.

Б. События 24 марта 2007 года

7. 9 марта 2007 года три человека обратились в мэрию Нижнего Новгорода с заявлением о намерении провести шествие и митинг под общим названием «Марш несогласных» на некоторых площадках (одним из них является Горская площадь) 24 марта 2007 года. 12 марта 2007 года мэрия ответила, что проведение публичного мероприятия на указанных площадках невозможно, и предложила другое место проведения. Один из организаторов мероприятия обратился в суд с ходатайством о судебном пересмотре ответа мэрии. 22 марта 2007 года судья окружного суда поддержал этот ответ. 19 и 23 марта 2007 года организаторы получили письменные документы из прокуратуры, предупреждающие их о возможном нарушении закона в случае проведения митинга по предусмотренному плану.

8. По словам заявителя, в какой-то момент он узнал, что местная оппозиция сообщила мэрии о своем намерении провести акцию протеста «Марш несогласных» 24 марта 2007 года и что мэрия выступила против этого. Ни он, ни другие сотрудники Комитета против пыток не принимали участия в организации или проведении митинга. Заявитель знал, что это мероприятие произойдет на площади Горького, даже без разрешения властей, и предполагал, что власти примут меры, чтобы помешать митингу с использованием вмешательства полиции, что может привести к нарушениям прав человека. По утверждению заявителя, он решил пойти на место проведения протеста в качестве «наблюдателя», чтобы оказать помощь лицам, которые могут стать потерпевшими в результате таких

нарушений. По словам заявителя, он рассказал отделу по связям с общественностью регионального отделения Министерства внутренних дел о своих планах.

9. По прибытии на площадь, где проходил митинг, заявитель увидел группу примерно из двадцати участников, нескольких журналистов, десятки полицейских, отряд специального назначения (ОМОН) и других сотрудников правоохранительных органов, которые оцепили площадь. Он записывал происходившее на видео. Несколько его подчиненных также присутствовали на месте проведения митинга.

10. Как только протестующие начали выкрикивать лозунги, в том числе, против «путинского режима», и как только журналисты подошли к ним, их всех окружили полицейские, которые начали насильно заталкивать демонстрантов и журналистов в автобусы, припаркованные неподалеку. Когда автобусы были переполнены, полиция освободила некоторых журналистов.

11. Заявитель представил несколько фрагментов видеозаписи, снятых с разных ракурсов, а также фрагмент видеозаписи, сделанной, помимо прочего, полицией. На них показано, среди прочего, как (i) несколько офицеров отделения ведут человека мимо заявителя, протягивающего руку к задержанному; (ii) заявитель разговаривает по мобильному телефону и в этот момент его задерживают сотрудники полиции, которые затем заводят ему руки за спину и сразу же заставляют лечь на землю. На некоторых кадрах показано, как полицейский с громкоговорителем читает текст и / или делает объявление о незаконности митинга и нарушении Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» («Закон о собраниях»).

12. Заявитель намеревался уйти, но полицейский заставил его сесть в один из автобусов. По-видимому, незадолго до этого он подошел к одному из своих коллег, которого задержали. По словам заявителя, он просто хотел взять у него камеру, которая принадлежала Комитету и за которую он нес ответственность.

13. По словам заявителя, его посадили в автобус приблизительно в 12:30. Примерно через полчаса автобус прибыл в Автозаводское районное отделение внутренних дел («отделение полиции»). Заявитель был доставлен в отделение полиции, где его продержали несколько часов. По-видимому, в отношении него не было принято никаких процессуальных мер. Он был освобожден позже в тот же день. По словам заявителя, он провел около четырех часов в заключении, с момента его задержания на месте проведения митинга и до момента его освобождения.

14. Сразу после этого заявитель зарегистрировал письменную жалобу у начальника Автозаводского отделения полиции, указав, в

частности, что он был лишен свободы в 12.05. Он был допрошен в связи с этой жалобой в период с 14:30 до 15:30 в тот же день.

В. Жалобы заявителя во внутригосударственные органы власти

1. Заявление о возбуждении уголовного дела и связанный судебный пересмотр

15. 24 марта 2007 года, в дополнение к своей жалобе начальнику отделения полиции, заявитель также пожаловался в прокуратуру Нижегородской области («прокуратура субъекта РФ») на его задержание ранее в тот же день. Он заявил, что не являлся организатором или активным участником митинга, а был просто наблюдателем, который не осуществил никаких действий в нарушение закона. Более того, он имел при себе документы, удостоверяющие личность, но, тем не менее, был насильственно доставлен в отделение полиции и некоторое время находился там. Заявитель также жаловался на то, что он не был проинформирован о причинах его содержания под стражей или каких-либо обвинениях, выдвинутых против него, и что никаких официальных документов о его задержании составлено не было.

(а) Заявление заявителя о возбуждении уголовного дела и последующая проверка в соответствии со статьями 144 и 145 Уголовно-процессуального кодекса

16. 26 марта 2007 года областная прокуратура дала указание Нижегородской районной прокуратуре Нижнего Новгорода («районная прокуратура») провести следственную проверку утверждений заявителя.

17. Решением от 4 апреля 2007 года районная прокуратура отказала в возбуждении уголовного дела в связи с жалобой заявителя по причине отсутствия каких-либо доказательств совершения преступления. В решении была приведена ссылка на объяснение, предоставленное заявителем в ходе расследования, в котором он подробно описал события 24 марта 2007 года. Затем он заявил, что до настоящего времени не было получено никакого ответа на запросы, направленные указанной прокуратурой в медицинские учреждения относительно того, обращался ли заявитель за какой-либо медицинской помощью в рассматриваемую дату. Далее в решении был сделан вывод о том, что утверждения заявителя не были подтверждены в ходе расследования и что не имеется доказательств того, что полицейские совершили преступление, наказуемое согласно статье 286 Уголовного кодекса Российской Федерации (превышение должностных полномочий).

18. 18 апреля 2007 года надзирающий прокурор отменил решение от 4 апреля 2007 года как необоснованное, указав, что дознание было неполным. Он распорядился о принятии ряда мер в ходе дополнительного дознания. В частности, необходимо было проверить, составлен ли какой-либо протокол или запись о содержании заявителя под стражей, получить ответ на запросы, направленные в медицинский экспертный орган, и принять другие необходимые меры.

19. 24 апреля 2007 года районная прокуратура вновь приняла решение отказаться от уголовного преследования со ссылкой на отсутствие каких-либо доказательств преступления. В решении снова была приведена ссылка на описание заявителем событий 24 марта 2007 года, представленное в ходе проверки. Далее было отмечено, что, как было установлено, заявитель не обращался за медицинской помощью в течение соответствующего периода. В решении также упоминалась информационная записка, представленная отделением полиции, в которой указывалось, что 24 марта 2007 года он был доставлен в это отделение без каких-либо сопроводительных документов и что личность задержавших сотрудников, доставивших его, была неизвестна, и в результате было невозможно опросить их в связи с рассматриваемыми событиями. Затем в решении был приведен вывод о том, что утверждения заявителя не были подтверждены в ходе доследственной проверки и что не имелось никаких доказательств того, что какие-либо полицейские совершили преступление, наказуемое согласно статье 286 Уголовного кодекса.

20. 26 апреля 2007 года надзирающий прокурор отменил решение от 24 апреля 2007 года, указав, что расследование являлось неполным. Он поручил ответственному следователю провести дополнительное расследование и предпринять ряд шагов, включая изучение видеозаписи демонстрации от 24 марта 2007 года и допрос заявителей и командного состава подразделений полиции, которые были размещены для обеспечения безопасности толпы.

21. Решением от 27 апреля 2007 года районная прокуратура отказала в возбуждении уголовного дела по тем же причинам, которые были указаны в двух предыдущих решениях. Она также сослалась на отсутствие события преступления согласно статье 286 Уголовного кодекса. В решении содержалась ссылка на описание заявителем событий 24 марта 2007 года, которое он представил ранее, ответы из медицинских учреждений о том, что он не обращался за какой-либо медицинской помощью, и на информационный отчет отделения полиции, в котором указывалось, что в указанную дату он был доставлен в отделение полиции без сопроводительных документов. Кроме того, в решении содержались объяснения некоторых сотрудников полиции, без указания их имен, которые заявили, что принимали участие в задержании участников несанкционированной

демонстрации 24 марта 2007 года и доставляли их в полицейские автобусы. Они отрицали применение какой-либо физической силы к задержанным или получение каких-либо жалоб от них. В решении также была приведена ссылка на видеозапись демонстрации и указывалось, что на видеозаписи видно, что заявитель оказал сопротивление при задержании и, в частности, пытался убежать от полицейских, которые его держали. Согласно решению, из видеозаписи также было ясно, что полицейские не наносили заявителю никаких ударов. Таким образом, в решении был сделан вывод о том, что утверждения заявителя не были подтверждены в ходе расследования, и что не имеется доказательств того, что полицейские совершили преступление в соответствии со статьей 286 Уголовного кодекса.

(б) Судебный пересмотр в соответствии со статьей 125 Уголовно-процессуального кодекса

22. Адвокат заявителя обжаловал решение от 27 апреля 2007 года в Нижегородском районном суде Нижнего Новгорода («районный суд»). Он повторил, что не имелось оснований для задержания заявителя 24 марта 2007 года, и что заявителю никогда не предъявлялись обвинения в совершении преступления или в его отношении не было инициировано судебных разбирательств в связи с событиями того дня. Таким образом, содержание заявителя под стражей являлось незаконным и произвольным, в нарушение статьи 5 Конвенции. Он также жаловался на то, что заявитель не располагал эффективными средствами правовой защиты, доступными ему в связи с его жалобой на содержание его под стражей, в нарушение статьи 13 Конвенции.

23. Решением от 18 марта 2008 года районный суд отклонил жалобу адвоката заявителя, постановив, что решение от 27 апреля 2007 года являлось законным, обоснованным и что расследование утверждений заявителя было проведено тщательным образом. Эти утверждения были внимательно изучены и признаны необоснованными, поэтому следственные органы заключили, что не имелось доказательств незаконного поведения или злоупотребления властью со стороны полицейских.

24. Адвокат заявителя обжаловал решение суда первой инстанции, утверждая, помимо прочего, что суд не рассмотрел его доводы о незаконном лишении заявителя свободы 24 марта 2007 года.

25. 6 мая 2008 года Нижегородский областной суд (далее — «областной суд») отменил решение от 18 марта 2008 года и распорядился о повторном рассмотрении дела.

26. Решением от 20 мая 2008 года районный суд отклонил жалобу адвоката заявителя на решение от 27 апреля 2007 года, указав, что последнее являлось законным, обоснованным и аргументированным и

соответствовало требованиям закона. Он также заявил, что расследование утверждений заявителя являлось всеобъемлющим и что все его доводы были рассмотрены. Суд также рассмотрел видеозапись событий 24 марта 2007 года и заявил, что было ясно, что заявитель не подвергался нападению во время задержания полицией; более того, он никогда не обращался за медицинской помощью. Таким образом, суд подтвердил, что заключение следственных органов об отсутствии каких-либо доказательств совершения преступления являлось правильным, поскольку в ходе проверки не было установлено, что сотрудники полиции применяли какое-либо физическое насилие в отношении заявителя.

27. Адвокат заявителя обжаловал постановление суда первой инстанции. В частности, он жаловался на то, что суд не рассмотрел его доводы относительно нарушения права заявителя на свободу со стороны полиции в связи с его незаконным лишением свободы 24 марта 2007 года.

28. 4 июля 2008 года областной суд отклонил жалобу адвоката заявителя и оставил в силе решение от 20 мая 2008 года, в значительной степени опираясь на основания, указанные районным судом. В частности, суд отметил, что полиция действовала в соответствии с Законом о полиции, в частности, его разделами 10 и 11 (см. пункты 35 ниже). Областной суд не сделал дальнейших выводов, касающихся довода заявителя относительно его лишения свободы 24 марта 2007 года.

2. Гражданское производство по вопросу о компенсации

29. В 2012 году заявитель подал гражданский иск в Нижегородский районный суд Нижнего Новгорода, требуя компенсации морального вреда, причиненного незаконным лишением свободы 24 марта 2007 года. Он требовал 1 000 российских рублей (эквивалент – 30 евро по обменному курсу на момент рассматриваемых событий).

30. Постановлением от 28 сентября 2012 года в удовлетворении исковых требований заявителя было отказано. Ссылаясь на статью 61 Гражданского процессуального кодекса («ГПК»), суд опирался на решение от 27 апреля 2007 года, оставленное без изменения в порядке судебного пересмотра (см. пункт 21 выше) в отношении обстоятельств, уже установленных в окончательном постановлении, которое было вынесено ранее. Ссылаясь на статью 1069 и часть 2 статьи 1070 Гражданского кодекса (см. пункт 33 ниже) и статьи 55 и 56 ГПК, суд заключил, что заявитель не представил никаких доказательств того, что действиями полицейских ему были причинены какие-либо моральные или физические страдания. Наконец, суд отметил, что статья 1100 Гражданского кодекса содержит перечень ситуаций,

допускающих компенсацию морального вреда, без необходимости доказывать вину; настоящее дело не относилось к таким ситуациям.

31. Предположительно, заявитель получил копию постановления в феврале 2013 года после нескольких безуспешных запросов отправки ему копии такового по электронной почте. В марте 2013 года он подал апелляцию с ходатайством о повторном установлении срока для подачи апелляции. 17 апреля 2013 года районный суд отказал в установлении нового срока и не рассмотрел апелляцию в Нижегородском областном суде.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

А. Основания для предъявления иска согласно российскому законодательству

1. Судебный пересмотр согласно Главе 25 Гражданского процессуального Кодекса (далее - «ГПК»)

32. До 15 сентября 2015 года порядок рассмотрения жалоб на решения, действия или бездействие государственных и муниципальных органов и должностных лиц регулировался Главой 25 ГПК и Законом о судебном пересмотре (Закон № 4866-1 от 27 апреля 1993 года о судебном пересмотре решений и действий, нарушающих права и свободы граждан). Оба документа предусматривали, что гражданин может подать жалобу в суд на действие или решение любого государственного или муниципального органа, или должностного лица, если он считает, что такое действие или решение нарушило его права и свободы (статья 254 ГПК и раздел 1 Закона о судебном пересмотре). Жалоба может касаться любого решения, действия или бездействия, которые нарушают права или свободы гражданина, препятствуют осуществлению его прав или свобод, или налагают на него обязанность или ответственность (статья 255 ГПК и раздел 2 Закона о судебном пересмотре). См. более подробное описание процедуры, описанной в главе 25, в постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Роман Захаров против России» (*Roman Zakharov v. Russia*), жалоба № 47143/06, пункты 92-100, ЕСПЧ 2015), и в постановлении Европейского Суда от 7 февраля 2017 года по делу «Лашманкин и другие против России» (*Lashmankin and Others v. Russia*), жалобы №№ 57818/09 и 14 других жалоб, пункты 280-85).

2. Деликтные иски по Гражданскому кодексу Российской Федерации

33. Вред, причиненный личности или имуществу гражданина, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. Лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если оно докажет, что вред причинен не по его вине (части 1 и 2 статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту – «ГК РФ»). Государственные органы и органы местного самоуправления, а также должностные лица этих органов несут ответственность за вред, причиненный гражданину в результате их незаконных действий или бездействия (статья 1069 ГК РФ). Независимо от вины государственных должностных лиц, вред, причиненный гражданину в результате (i) незаконного осуждения в уголовном порядке незаконного привлечения к уголовной ответственности; (ii) незаконного применения меры пресечения и (iii) незаконного административного наказания возмещается за счет государственной или региональной казны (статья 1070 ч.1 ГК РФ).

34. Суд может наложить на лицо, причинившее вред, обязательство компенсировать моральный вред (физические и нравственные страдания). Компенсация за моральный вред не имеет отношения к какой-либо присужденной сумме материального вреда (пункт 1 статьи 151 и статья 1099 Гражданского Кодекса). Размер компенсации определяется с учетом степени вины лица, причинившего вред, и других существенных обстоятельств. Суд также учитывает степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями потерпевшего (пункт 2 статьи 151 и статья 1101 ГК РФ). Независимо от вины лица, причинившего вред, компенсация морального вреда будет присуждена, если вред был причинен (i) опасным способом; (ii) в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения меры пресечения или незаконного административного наказания; и (iii) распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию (статья 1100 ГК РФ).

Б. Полномочия полиции

35. В соответствии с разделом 10 Закона о полиции 1991 года (Федеральный закон № 1026-1 от 18 апреля 1991 года), действовавшего на тот момент, полиция была обязана предупреждать и пресекать преступления и административные правонарушения, выявлять обстоятельства, при которых они были совершены, конвоировать и задерживать арестованных и лиц, находящихся под стражей. Раздел 11 Закона о полиции предусматривает, что полиция

уполномочена требовать от лица прекращения административного правонарушения и осуществлять административные задержания или принимать другие меры, предусмотренные законодательством об административных правонарушениях. Старшему сотруднику полиции, прокурору или в суд может быть подана жалоба на то, что действия сотрудника полиции привели к нарушению прав или свобод гражданина (статья 39).

36. Уместно учитывать установленные законом условия, цели и основания для препровождения лица в отделение полиции (например, путем административного доставления), а также конкретные обстоятельства той ситуации, когда они применяются. Таким образом, такая мера не должна быть произвольной и должна «учитывать пропорциональность в отношении сферы ограничений чьих-либо прав (например, в зависимости от обстоятельств, свободу слова или свободу собраний) по отношению к фактической необходимости, вытекающей из обстоятельств, а также целесообразность достижения цели, преследуемой мерой» (постановление Конституционного Суда РФ №8-П от 17 марта 2017 года в отношении раздела 13 (13) Закона о полиции от 2011 года). После того, как составлен протокол о конвоировании, и, если основания для доставления более не являются убедительными, лицо должно быть освобождено без промедления. Продолжающееся удерживание лица в этом случае может стать произвольным, что нарушает его или ее право на свободу и личную безопасность, защищенное статьей 22 Конституции и статьей 5 Конвенции. Лица имеют право оспаривать применяемую к ним меру конвоирования (там же).

В. Административное доставление в отделение полиции и административное задержание

37. Статья 27.1 Кодекса об административных правонарушениях («КоАП») предусматривает ряд мер, включая административное доставление подозреваемого в отделение полиции и административное задержание. Такие меры могут быть использованы для прекращения административного правонарушения; установления личности правонарушителя; для составления протокола об административном правонарушении, когда это невозможно сделать на месте; обеспечения своевременного и правильного рассмотрения дела; и обеспечения исполнения решения по делу.

38. Статья 27.2 КоАП определяет процедуру административного доставления как процедуру принудительного препровождения нарушителя должностным лицом компетентного органа с целью составления протокола об административном правонарушении при невозможности его составления на месте.

39. Конституционный Суд постановил, что такая мера принуждения, которая сводится к временному ограничению свободы передвижения личности, должна применяться только, когда это необходимо и на короткий срок (Решение № 149-О-О от 17 января 2012 года). Впоследствии Конституционный суд заявил, что как административное доставление, так и административное задержание представляют собой «ограничения, налагаемые на [личную свободу]» (см., например, постановление № 14-П от 23 мая 2017 года).

40. В соответствии со статьей 27.3 КоАП, в исключительных случаях, касающихся необходимости надлежащего и целесообразного рассмотрения административного дела или обеспечения исполнения какого-либо приговора, вынесенного за административное правонарушение, к лицу может быть применено административное задержание.

41. В постановлении № 2 от 10 февраля 2009 года Пленум Верховного Суда России (пункт 7) утверждал, что процедура, предусмотренная главой 25 ГПК, неприменима к обжалованию действий, бездействия или решений, для которых КоАП не предусматривал процедуру пересмотра и которая, будучи неразрывно связанной с данным случаем обвинения в административном правонарушении, не поддавалась отдельному рассмотрению (доказательства в таком случае, как запись определенных мер, например, запись о доставлении или запись о задержании в делах об административном правонарушении). В таких обстоятельствах доводы, связанные с недопустимостью доказательства, или меры могут быть представлены при рассмотрении дела об административном правонарушении или обжаловании решения в таком деле. Однако, когда разбирательство по КоАП было прекращено, любые действия, предпринятые в ходе такого разбирательства, могут быть оспорены в соответствии с главой 25 ГПК, если такие действия, затрагивающие права или свободы человека, создали препятствия для их осуществления или незаконно привели к ответственности. Тот же подход применялся, когда никакого дела в соответствии с КоАП не было возбуждено. Это постановление утратило силу в сентябре 2016 года.

42. Конституционный Суд постановил, что специальные правила, содержащиеся в статьях 1070 и 1100 Гражданского кодекса (касающиеся ответственности государства, без необходимости доказывать вину государственного должностного лица), должны толковаться как предоставление лицам возможности требовать компенсацию за то, что к ним было применено административное задержание в контексте преступлений, наказуемых административным содержанием под стражей или административным выдворением (то есть, когда применяется пункт 3 статьи 27.5, разрешающий полиции

удерживать задержанное лицо до сорока восьми часов) (постановление № 9-П от 16 июня 2009 года). Суды должны оценивать как официальную законность меры, так и причины ее применения с точки зрения ее справедливости и соразмерности (решение № 149-О-О от 17 января 2012 года). Что касается причин, указанных в протоколе административного задержания, суды должны выяснить, являлось ли задержание единственной приемлемой мерой в данных обстоятельствах (решение № 1049-О от 2 июля 2013 года).

43. В постановлении Министерства внутренних дел № 444 от 2 июня 2005 года были перечислены сотрудники правоохранительных органов, которые обладали законными полномочиями для составления протокола о преступлениях на месте, в частности, в отношении преступлений, предусмотренных статьями 20.2 КоАП (раздел 5.9 Приложения к Указу).

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 5 И 13 КОНВЕНЦИИ

44. Заявитель жаловался в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Конвенции на незаконное и произвольное лишение свободы 24 марта 2007 года. Ссылаясь на пункт 5 статьи 5 и статью 13 Конвенции, заявитель также утверждал, что не имелось доступных компенсационных средств правовой защиты, и, в первую очередь, что процедура рассмотрения уголовных жалоб, включая этап судебного пересмотра в отношении отказа от судебного преследования, не предусматривала для него эффективное средство правовой защиты в отношении административного доставления, поскольку соответствующее дознание не было проведено достаточно тщательным образом.

45. В частях, имеющих отношение к настоящему делу, статья 5 Конвенции гласит:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе, как в следующих случаях и в порядке, предусмотренном законом:

...

(б) законное задержание или заключение под стражу (арест) лица за неисполнение вынесенного в соответствии с законом решения суда или с целью обеспечения исполнения любого обязательства, предписанного законом;

(в) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному

подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения [...]

...

4. Каждый, кто лишён свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным.

5. Каждый, кто стал жертвой ареста или задержания в нарушение положений данной Статьи, будет иметь право на компенсацию, защищенное иском».

46. Статья 13 Конвенции гласит:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в [настоящей] Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

А. Доводы сторон

1. Власти

(а) Лишение свободы

47. Во-первых, Власти возразили, что ситуация, о которой идет речь, не представляла собой «лишение свободы» в соответствии со статьей 5 Конвенции. Заявитель был подвергнут процедуре доставления в рамках законодательства об административных правонарушениях, а не уголовного и процессуального законодательства, в частности, в отношении того, что по состоянию на соответствующий момент времени являлось лишь преступлением, наказуемым штрафом в размере до 1 000 рублей (эквивалент 30 евро). На заявителя не были надеты наручники — физическая сила использовалась только для того, чтобы доставить его в автобус. Вся ситуация, на которую жаловался заявитель, длилась менее трех часов (см. пункт 52 ниже), он был освобожден из отделения полиции сразу же после установления личности. Он не был привлечен к ответственности за административное или иное правонарушение. Никаких телесных повреждений зарегистрировано не было. Принимая во внимание применимые критерии (постановление Европейского Суда от 6 ноября 1980 года по делу «Гуззарди против Италии (*Guzzardi v. Italy*)», пункты 92-93, Серия А № 39, и постановление Европейского Суда от 8 июня 1976 года по делу «Энгель и другие против Нидерландов» (*Engel and Others v. the Netherlands*), пункт 59, Серия А № 22) в ситуации, на которую жаловался заявитель, ограничение свободы передвижения заявителя являлось законным и оправданным.

48. В любом случае, ситуация, на которую жаловался заявитель, представляла собой административное правонарушение. Тем не менее, она не подпадает под действие подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции, поскольку касается только мер, относящихся к уголовному и процессуальному законодательству. Другие подпункты пункта 1 статьи 5 явно не имели отношения к делу.

(б) Соблюдение внутригосударственного законодательства и процедур

49. Власти указали, что заявитель оставался вблизи или в непосредственной близости от участников митинга и не покинул место проведения митинга, несмотря на неоднократные предупреждения, сделанные через громкоговорители, которые указывали на то, что митинг проводился без согласия местных органов власти. Более того, как можно видеть на видео (пункт 11 выше), заявитель пытался вмешаться в задержание одного из его коллег. Он не предоставил полицейским никаких документов, подтверждающих то, что он являлся наблюдателем от неправительственной организации. Следовательно, полицейский обоснованно посчитал его участником митинга и имел основания подозревать, что его продолжающееся поведение представляло собой преступление, предусмотренное статьей 20.2 КоАП. Митинг на площади Горького нарушил раздел 5 (5) Закона о собраниях (см. пункт 7 выше). Заявитель подтвердил, что он знал об этом; во время митинга полиция объяснила, что митинг был незаконным, а также публично предупредила о возможных последствиях несоблюдения законных приказов полиции (см. пункт 11 выше). Отметив, что участники акции не разошлись добровольно, полиция начала проводить задержания. Следовательно, рассматриваемый полицейский обоснованно считал его участником митинга и имел основания подозревать, что его длящееся поведение равносильно участию в публичном мероприятии, которое являлось незаконным без утверждения мэрией. Такое поведение представляло собой правонарушение согласно пункту 2 статьи 20.2 КоАП.

50. Таким образом, в соответствии с разделами 10 и 11 (5) Закона о полиции (см. пункт 35 выше), было принято решение применить к нему меру доставления, то есть его принудительное препровождение в отделение полиции. Мера доставления может быть законно применена для одной или нескольких из следующих установленных законом целей: составление протокола об административном правонарушении (когда это может быть сделано на месте), предотвращение административного правонарушения, выявление правонарушителей или для своевременного и правильного рассмотрения дела об административном правонарушении. Доставление заявителя не было признано незаконным по той простой причине, что он не был впоследствии привлечен к ответственности.

51. Как указывалось выше, полицейские действовали в рамках своей уставной компетенции и имели достаточные основания для применения меры препровождения. Отсутствие письменного документа, записи о доставлении, в нарушение пункта 3 статьи 27.2 КоАП, означало частичное несоблюдение процедуры, установленной законом.

52. Точные сроки применения меры доставления в отношении заявителя и его освобождения не были зафиксированы в документах. Однако, как можно установить из имеющихся материалов (см. пункты 13-14 выше), ограничение свободы передвижения заявителя началось не ранее 12:05 и завершилось не позднее 14:30.

(в) Внутригосударственные средства правовой защиты

53. Власти указали, что заявитель мог подать жалобу вышестоящему руководству полиции или прокурору в соответствии с Законом о прокуратуре 1992 года. Кроме того, статья 39 Закона о полиции предусматривала, что незаконные действия со стороны полиции могут быть обжалованы в суд. По мнению Властей, такой судебной процедурой может быть процедура судебного пересмотра в соответствии с главой 25 Гражданского процессуального кодекса (см. пункт 32 выше). Вместо этого заявитель использовал другое средство правовой защиты (процедура подачи заявления о возбуждении уголовного дела), которое было «менее уместным» и было сосредоточено на предположительно ненадлежащем способе его задержания и доставлении в полицейский автомобиль. В заключение Власти указали, что заявитель не исчерпал внутригосударственные средства правовой защиты.

54. Наконец, в ответ на вопрос Суда о денежных средствах правовой защиты в связи с пунктом 5 статьи 5 Конвенции Власти сослались на статью 27.1 КоАП, заявив, что компенсации в отношении ущерба, вызванного применением процедуры доставления, можно добиваться посредством гражданского иска, который, по утверждению Властей, означал иск в соответствии со статьей 1069 и частью 2 статьи 1070 Гражданского кодекса.

2. Доводы заявителя

(а) Лишение свободы

55. Заявитель утверждал, что он был задержан полицией и затем постоянно находился под контролем полиции, не имея возможности покинуть автомобиль, и что позднее в отделении полиции он находился под постоянной охраной полицейских. Обстоятельства дела явно указывают на то, что он был лишен свободы в течение более чем трех часов.

(б) Соблюдение внутригосударственного законодательства и процедур

56. Заявитель утверждал, что полиция не приняла никаких мер для того, чтобы обеспечить задержание фактических участников акции протеста. Заявитель не размахивал никакими флагами или плакатами, не выкрикивал никаких лозунгов или требований (например, выражающих протест). В то же время он позаботился о том, чтобы дистанцироваться от протестующих, присоединился к журналистам, присутствовавшим на месте, и записывал ход мероприятия на камеру, собирая таким образом информацию о протесте, а не принимая участие в нем.

57. Возражение мэрии в отношении митинга не являлось объявлением о незаконности митинга и не предоставляло полиции полной свободы действий для задержания организаторов митинга. Если бы полиция действовала на основе стандартов, определенных в практике Суда, то в контексте указанного неразрешенного митинга сосредоточила бы свои действия главным образом на обеспечении безопасности всех присутствующих (участников, журналистов, наблюдателей или прохожих). Поскольку предполагаемая близость заявителя к протестующим послужила основанием для его задержания (см. пункт 49 выше), ход действий полиции свидетельствует о ее неизбирательном подходе к аресту людей, присутствующих на месте проведения митинга или вокруг.

58. Обращение к процедуре доставления в соответствии со статьей 27.2 КоАП должно было быть связано с подозрением в совершении административного правонарушения. Конкретный контекст такого соответствующего правонарушения должен соответствовать статье 20.2 КоАП (нарушение регламента публичных мероприятий организатором или участником мероприятия). У полиции не имелось неопровержимых оснований считать его «участником» митинга.

59. Ни разу в ходе внутригосударственного разбирательства заявитель не был уведомлен о каких-либо подозрениях в совершении им какого-либо конкретного преступления. Такое подозрение было впервые упомянуто в замечаниях Властей, представленных в Суд (см. пункт 49 выше).

60. Как признали Власти (см. пункт 51 выше), его доставление в отделение полиции и задержание там не было зарегистрировано в письменной форме в нарушение требований КоАП. Отсутствие письменного протокола не являлось незначительным упущением, поскольку оно лишало его возможности обратиться за возмещением или, по крайней мере, серьезно подрывало такую возможность. В частности, это усложнило установление соответствующих фактов, таких как сроки лишения свободы. Кроме того, как подтвердили Власти (см. пункт 48 выше), ситуация, в отношении которой подана жалоба, не может быть обоснована подпунктами пункта 1

статьи 5 Конвенции. Следовательно, имело место нарушение указанного положения.

(в) Внутригосударственные средства правовой защиты

61. Что касается внутренних средств правовой защиты, заявитель утверждал, что внутригосударственные органы власти были уведомлены по крайней мере об одном дефекте, связанном с отсутствием каких-либо записей в отношении его доставления. Таким образом, у них имелось достаточно возможностей исправить указанный недостаток, но они решили не делать этого.

62. Наконец, что касается пункта 5 статьи 5 Конвенции, заявитель утверждал, что его иск был отклонен из-за отсутствия доказательств того, что полиция действовала незаконно. Затем у заявителя возникли трудности с получением копии указанного постановления и попыткой его пересмотра (см. пункт 29 выше), что в любом случае являлось бы бесполезным.

Б. Оценка Суда

1. Статья 5 Конвенции

(а) Приемлемость

(i) Лишение свободы

63. Суд считает, что помещение заявителя и содержание его под стражей в автобусе, последующее доставление и его присутствие в отделении полиции 24 марта 2007 года представляли собой «лишение свободы» (см. постановление Европейского Суда от 4 декабря 2014 года по делу «Навальный и Яшин против России» (*Navalnyy and Yashin v. Russia*), жалоба № 76204/11, пункт 92, постановление Европейского Суда от 31 января 2017 года по делу «Рожков против России (№ 2)» (*Rozhkov v. Russia*), жалоба № 38898/04, пункт 79, и постановление Европейского Суда от 19 декабря 2017 года по делу «Хайруллина против России» (*Khayrullina v. Russia*), жалоба № 29729/09, пункт 94). Ничто не говорит о том, что, по сути и / или с учетом требований российского законодательства, 24 марта 2007 года заявитель мог свободно принять решение не следовать за полицейскими до отделения, или, оказавшись там, в любой момент уйти без негативных последствий (см., для сравнения, постановление Большой Палаты Европейского Суда от 23 февраля 2012 года по делу «Креанга против Румынии» (*Creangă v. Romania*), жалоба № 29226/03, пункты 94-98). Заявитель был физически принужден полицией и не мог покинуть автобус, а затем и отделение полиции, без разрешения.

64. Суд считает, что на протяжении всех событий того дня присутствовал элемент принуждения, который, несмотря на незначительную продолжительность процедуры, свидетельствовал о лишении свободы по смыслу пункта 1 статьи 5 (см. постановление Европейского Суда от 21 июня 2011 года по делу «Шимоволос против России» (*Shimovolos v. Russia*), жалоба № 30194/09, пункт 50, и решение Европейского Суда от 8 марта 2016 года по делу «Урсуле против Франции» (*Ursulet v. France*), жалоба № 56825/13, пункты 36-37).

(ii) *Исчерпание и требования о шестимесячном сроке*

65. Суд принял к сведению Определение № 2 от 10 февраля 2009 года, в котором Пленум Верховного Суда России заявил, что в случае прекращения или отсутствия разбирательства согласно КоАП в отношении какого-либо лица, как в настоящем деле, любые действия, осуществленные в ходе такого разбирательства, могут быть затем оспорены в соответствии с главой 25 Гражданского процессуального кодекса (далее - «средство защиты в соответствии с главой 25»), если такие действия ущемляют права или свободы человека, создают препятствия для их осуществления или незаконно налагают ответственность. В самом деле, возможно, применение меры доставления могло быть равносильно таким «действиям», «ущемляющим» личную свободу заявителя (см. пункты 32 и 41 выше).

66. Однако эта позиция была принята Верховным Судом почти через два года после фактов настоящего дела в марте 2007 года, а также в то время, когда заявитель уже прибег к другому средству правовой защиты, а именно к процедуре подачи заявления о возбуждении уголовного дела. Власти не утверждали, что иск в соответствии с главой 25 является новым средством правовой защиты, которое заявитель должен был использовать в отношении своей жалобы, тогда уже находившейся на рассмотрении в настоящем Суде. Они также не указали, что такое средство правовой защиты оставалось доступным для заявителя после определения 2009 года.

67. В любом случае остается неизменным тот факт, что заявитель воспользовался другим внутригосударственным средством правовой защиты - процедурой подачи заявления о возбуждении уголовного дела. Указывая на то, что это средство правовой защиты являлось менее целесообразным, Власти не подтвердили, что указанное средство правовой защиты являлось явно неэффективным или не имело никаких шансов на успех. Со своей стороны, у Суда нет оснований сомневаться в актуальности процедуры подачи заявления о возбуждении уголовного дела в контексте предположительно незаконного применения силы и лишения свободы (см., среди прочих источников, постановление Европейского Суда от 25 июля 2017 года

по делу «Анненков и другие против России», жалоба № 31475/10 , пункт 106, с указанными в нем делами) и что заявителю следовало дожидаться результатов возобновленного дознания и добиваться судебного пересмотра в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом, прежде чем обращаться в Суд.

68. Суд также отмечает, что из-за короткой продолжительности лишения свободы 24 марта 2007 года заявитель не имел времени для «возбуждения дела», в соответствии с которым могло быть вынесено распоряжение о его освобождении, по смыслу пункта 4 статьи 5 Конвенции. Таким образом, средство правовой защиты в соответствии с главой 25 и компенсационное средство правовой защиты в отношении процедуры доставления для правонарушения, не связанного с лишением свободы, в то время были неопределенными (см. пункт 83 ниже), заявитель принял обоснованные меры для того, чтобы сначала подать свои жалобы на внутригосударственном уровне, до подачи жалобы в Суд.

69. Таким образом, Суд заключает, что требование об исчерпании было соблюдено в отношении жалобы заявителя в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Конвенции.

70. Не было предложено, и Суд не находит, что заявитель не выполнил требование о шестимесячном сроке в соответствии с пунктом 1 статьи 35 Конвенции (см., для сравнения, решение Европейского Суда от 22 марта 2016 года по делу «Рауш против России» (*Raush v. Russia*), жалоба № 17767/06, пункт 60).

(iii) Заключение

71. Власти не представили конкретных замечаний относительно приемлемости жалобы в соответствии с пунктом 5 статьи 5 Конвенции.

72. Суд отмечает, что жалобы на нарушение пунктов 1 и 5 статьи 5 Конвенции не являются явно необоснованными в значении подпункта (а) пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что они не являются неприемлемыми по каким-либо другим основаниям. Следовательно, данные жалобы должны быть признаны приемлемыми.

(б) Существо жалобы

(i) Пункт 1 статьи 5 Конвенции

73. Судя по всему, установлено, что в начале митинга заявитель позаботился о том, чтобы его не приняли за участника митинга, например, расположившись рядом с группой журналистов. Также ясно, что полиция была уведомлена о митинге заранее и что группа полицейских присутствовала на месте проведения митинга. Принимая это во внимание, а также учитывая относительно небольшой размер

митинга и его мирный характер, без проведения какой-либо серьезной агитации или, тем более, насилия (см., для сравнения, постановление Европейского Суда от 13 декабря 2016 года по делу «Каспаров и другие против России (№ 2)», жалоба № 51988/07, пункт 31), Суд считает, что полиция имела возможность принимать обоснованные решения, чтобы различить участников митинга и других лиц.

74. Кроме того, по мнению Суда, митинг можно было бы разумно воспринимать как «публичное мероприятие» в соответствии с Законом о публичных мероприятиях, возможно, в нарушение его требования о предварительном уведомлении (см., для сравнения, постановление Европейского Суда по делу Каспарова и других (№2), , упомянутое выше, пункт 39). Таким образом, у полиции имелись веские официальные основания, согласно российскому законодательству, подозревать организаторов мероприятия или участников в совершении правонарушения, предусмотренного статьей 20.2 КоАП.

75. Суд также согласен с Властями в том, что Закон о полиции 1991 года обеспечил правовую основу для применения полицией таких мер, как доставление лица в отделение полиции (см. пункт 35 выше). Однако представляется, что это может быть сделано только в конкретном контексте и / или с конкретной целью, например, для установления личности лица или, как указано в статьях 27.1 и 27.2 КоАП, для составления протокола об административном правонарушении, когда «это не может быть сделано на месте».

76. Ничто не говорит о том, что полицейские не имели полномочий для составления протокола о правонарушении на месте (см. пункт 43 выше) и, прежде всего, что без доставления заявителя в отделение полиции было «невозможно» «выявить правонарушение, установить его личность, обеспечить надлежащее и своевременное рассмотрение дела и исполнение окончательного решения суда» (см. пункт 37 выше). Более того, как признается Властями, в нарушение пункта 3 статьи 27.2 КоАП применение меры доставления не было должным образом задокументировано (см., в том же духе, постановление Комитета от 14 февраля 2017 года по делу «Денисенко против России» (*Denisenko v. Russia*), жалоба № 18322/05). Вышеуказанные соображения, по-видимому, являются одними из существенных элементов, относящихся к законности такого рода мер в соответствии с российским законодательством (см. постановление Европейского Суда от 13 февраля 2018 года по делу «Буткевич против России» (*Butkevich v. Russia*), жалоба № 5865/07, пункт 63, и постановление по делу Рожкова (№ 2), пункт 80, упомянуто выше). Кроме того, нет никаких доказательств того, что заявитель был проинформирован о каком-либо (обоснованном подозрении в) административном обвинении против него или о причинах его задержания.

77. Что касается подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции, Властям следовало иметь в виду, что эта мера была применена в контексте административного правонарушения, максимальное наказание за которое, предусмотренное законом, представляет собой штраф в размере 30 евро. Согласно требованиям пункта 1 статьи 5 Конвенции, чтобы лишение свободы считалось свободным от произвола, недостаточно того, чтобы эта мера принималась и исполнялась в соответствии с национальным законодательством; она также должна быть необходимой в сложившихся обстоятельствах и соразмерной (см. постановление по делу Буткевича, упомянутое выше, пункт 64, и постановление Европейского Суда от 23 апреля 2015 года по делу «Франсуа против Франции» (*François v. France*), жалоба № 26690/11, пункты 52-56; см. также постановление Большой Палаты Европейского Суда от 22 октября 2018 года по делу «С.В. и А. против Дании» (*S. V. and A. v. Denmark*), жалобы №№ 35553/12 и 2 другие жалобы, пункт 77). В тех случаях, когда цель заключалась в том, чтобы «предотвратить совершение преступления лицом», внутригосударственные органы власти обязаны были удостовериться, в частности, в том, что лишение свободы являлось «обоснованно необходимым» для достижения этой цели в обстоятельствах дела. Имеющиеся материалы не указывают на то, что вышеуказанные требования были соблюдены.

78. С учетом вышеизложенных соображений Европейский Суд приходит к выводу о том, что процедура сопровождения не соответствовала статьям 27.1-27.2 КоАП и, следовательно, и дополнительно, подпункту «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции.

79. Следовательно, было допущено нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции.

(ii) Пункт 5 статьи 5 Конвенции

80. Во-первых, что касается общего средства правовой защиты в соответствии с частью 2 статьи 1070 в совокупности со статьями 1069 и 1100 Гражданского кодекса, как предложено Властями, у Суда нет оснований полагать, что оно являлось доступным или уместным в обстоятельствах дела (см. также постановление Европейского Суда от 10 апреля 2018 года по делу «Цветкова и другие против России», *Russia*), жалобы №№ 54381/08 и 5 других, пункт 97, см., для сравнения, постановление Европейского Суда от 10 января 2012 года по делу «Ананьев и другие против России» (*Ananyev and Others v. Russia*), жалобы №№ 42525/07 и 60800/08, пункты 113-14 и 229).

81. Во-вторых, не было заявлено, что заявитель не исчерпал внутригосударственные средства правовой защиты в отношении своей жалобы в соответствии с пунктом 1 или пунктом 5 статьи 5 Конвенции, не подав апелляцию в отношении постановления от 28

ноября 2012 г. или решения от 17 апреля 2013 г. (см. пункт 29 выше). Со своей стороны, Суд считает достаточным отметить, что выводы, сделанные в вышеупомянутом постановлении, как представляется, соответствуют подходу, указанному Конституционным Судом Российской Федерации (см. пункт 42 выше).

82. Что касается требования, основанного на части 1 статьи 1070 и статье 1100 Гражданского кодекса, рассмотрев имеющиеся материалы, Суд не убежден в том, что имелись бы перспективы успеха указанного хода действий в степени, относящейся к компенсации морального ущерба, который причинен в результате обращения к процедуре доставления и, тем более, если такое доставление было связано с преступлением, для которого не применяется наказание в виде административного задержания (см. пункт 42 выше; см. также постановление по делу Цветковой и других, упомянутое выше, пункт 97).

83. Следовательно, в рассматриваемый период времени (то есть с марта 2007 года по декабрь 2008 года), а также до 2012 года (когда он пытался подать гражданский иск в суд), заявитель не обладал исполнимым правом на компенсацию в отношении административного доставления, применяемого в контексте преступления, которое не подлежит применению наказания в виде заключения под стражу.

84. Таким образом, в настоящем деле было допущено нарушение пункта 5 статьи 5 Конвенции.

2. Статья 13 Конвенции

85. Учитывая объем жалобы заявителя и полномочия Суда по принятию решения о характеристике, которая должна быть дана фактам жалобы в соответствии с законодательством (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда от 20 марта 2018 года по делу «Радомилджа и другие против Хорватии» (*Radomilja and Others v. Croatia*), жалобы №№ 37685/10 и 22768/12, пункт 126), Суд отмечает, что из-за короткой продолжительности лишения свободы 24 марта 2007 года заявитель не имел времени для «возбуждения дела», посредством которого могло быть вынесено распоряжение о его освобождении, по смыслу пункта 4 статьи 5 Конвенции. Кроме того, Европейский Суд рассмотрел ту часть жалобы, которая касается компенсационного средства правовой защиты в соответствии с пунктом 5 статьи 5 Конвенции в настоящем деле.

86. С учетом приведенного заключения, выводов в отношении внутригосударственных средств правовой защиты, приведенных в пунктах 65-68 выше, и узкого объема замечаний сторон по этому аспекту, Суд считает, что в настоящем деле нет необходимости отдельно рассматривать приемлемость и существо жалобы по статье 13.

II. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

87. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

88. Заявитель требовал компенсацию морального вреда в связи с пунктом 1 статьи 5 Конвенции, оставляя сумму на усмотрение Суда.

89. Власти сочли, что достаточно установления факта нарушения.

90. Суд присуждает заявителю 1 000 евро в качестве компенсации морального вреда, плюс налог, которым может облагаться данная сумма.

Б. Расходы и издержки

91. Заявитель также требовал 2 600 евро в качестве возмещения судебных расходов и издержек, понесенных в ходе разбирательств в Суде.

92. Власти сочли такое требование чрезмерным.

93. В соответствии с практикой Европейского Суда, заявитель имеет право на возмещение судебных расходов и издержек только в той мере, в какой им было доказано, что такие расходы и издержки действительно были понесены, были необходимыми и разумными с точки зрения их размера. В данном деле, принимая во внимание имеющиеся в распоряжении документы и вышеуказанные критерии, Суд присуждает заявителю требуемую сумму плюс любые налоги, которыми может облагаться данная сумма.

В. Проценты за просрочку платежа

94. Суд считает приемлемым, что проценты за просрочку платежа должны быть установлены в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка, плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *объявил* данные жалобы в соответствии с пунктом 1 статьи 5 и статьи 5 Конвенции приемлемыми;
2. *постановил*, что в настоящем деле было допущено нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции;
3. *постановил*, что имело место нарушение пункта 5 статьи 5 Конвенции;
4. *постановил*, что отсутствует необходимость в отдельном рассмотрении вопроса о приемлемости и по существу жалобы заявителя на нарушение статьи 13 Конвенции;
5. *постановил*:
 - (а) что в течение трех месяцев государство-ответчик обязано выплатить заявителю следующие суммы согласно ставке, действующей по состоянию на дату выплаты:
 - (i) 1 000 (одну тысячу) евро, плюс любой налог, который может быть взыскан с этой суммы, в качестве компенсации морального вреда;
 - (ii) 2 600 евро (две тысячи шестьсот евро) плюс любой налог, который может быть взыскан с заявителя, за судебные расходы и издержки;
 - (б) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на данные суммы начисляются простые проценты в размере, равном предельной учётной ставке Европейского Центрального банка в течение периода просрочки плюс три процентных пункта;
6. *отклонил* остальную часть требований заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление о постановлении направлено в письменном виде 23 июля 2019 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Фатош Араджи
Заместитель Секретаря

Алина Полачкова
Председатель